

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST. PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

героя вовсе не умер от солнечного удара, а просто потерял сознание. Надо брызнуть на него водой, и он очнется. В отличие от мифа в сказке народа хуэй поход к матери солнца (путь туда так же долог, как во всех мифах о стрельбе в солнце, так как надо дойти до того места, где оно восходит) соединен с известными «сказочными» сюжетами «Путешествие к богу за наградой» (тип АТ 460А) и «Путешествие в поисках удачи» (АТ 460В), которые широко известны в Китае. Герой этих сказок должен получить у бога ответы на различные вопросы, задать которые просят встреченные им на пути люди.

Наличие в варианте хуэй волшебного помощника-барана, который отвозит героя к дворцу матери солнца, тоже типичная деталь волшебной сказки, а не архаического мифа, герои которого не имеют волшебных помощников, а все делают сами.

Жаль, что составители американского издания не обратили внимания на сказку «Обезьяна и черепаха», которая представляет собой переложение индийского сюжета из «Панчатантры», известного в Китае, Корее, Японии, Монголии благодаря переводам буддийских сутр, не говоря уже о Ближнем Востоке (у арабов, персов и т. д.). Обращение к этому сюжету дало бы возможность поставить вопрос об индийских сказочных сюжетах в фольклоре хуэй. Не исключено, например, что включенная в американское собрание сказка «Лугум возвращается к охоте» (с. 122–126), записанная в Синьцзяне и представляющая собой вариант известного в фольклоре многих народов типа АТ 315А (Сестра людоедка), также восходит к индийскому варианту, указанному в «Каталоге сказочных сюжетов» Аарне-Томпсона (с. 111). Шэньский вариант под названием «Белая лисица» записан автором этих строк в Казахстане в 1954 г.¹ Сказка эта популярна у уйгуров, монголов, корейцев, японцев, а также в трансформированном виде у хакасов на Алтае и у русских («Ведьма и солнцева сестра»). Думается, однако, что, несмотря на упоминание в заглавии об охоте (неясно, так ли ее называют в наро-

де, обычно в устной традиции сказки вообще не имеют названий), эту типично волшебную сказку едва ли можно истолковать как «отражение типичного перехода от охотничье-собираательского типа мышления к более позднему», а помогающих герою тигра и орла — «как свободно бродящих охотничьих божеств» («are freely roaming hunter gods», с. 15). Это явная фантазия автора предисловия.

Нисколько не отрицая возможности типологических сопоставлений фольклора хуэй, как и любого другого, с фольклором американских индейцев, автор этих строк все-таки думает, что сборник выиграл бы, если бы базировался на конкретном сопоставлении сказок хуэй со сказками китайцев (хань) и соседних народов — уйгуров, саларов, монголов и т. д. и вообще на опыте мировой фольклористики, включая китайскую, корейскую, японскую, тем более что каталоги сказочных сюжетов этих народов изданы по-английски.

В целом же, несмотря на указанные выше недостатки, появление собрания прозаических фольклорных произведений народа хуэй на английском языке — явление отрадное, оно дает возможность фольклористам разных стран, не владеющим китайским языком, впервые познакомиться с творчеством необычного народа, численность которого в Китае, по данным на 1989–1990-гг., превышает 8 млн человек, но о котором западный читатель знает очень мало.

Б. Л. Рифтин

В. М. Алексеев. Письма к Эдуарду Шаванну и Полю Пеллио / Вступ. ст., сост., пер. с франц. и примеч. И. Э. Циперович. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. 232 с. («Архив российского востоковедения»)

Когда разговор заходит о научном наследии крупнейшего русского китаеведа первой половины XX в. академика Василия Михайловича Алексеева (1881 —

¹ Дунганские народные сказки... С. 126–133, сопоставительный анализ, с. 452–454.

1951), то поражаешься не только обширному списку опубликованного им при жизни, но и тому, что после его смерти собрано и опубликовано его исследований, переводов, рецензий едва ли не больше по объему, чем числится в прижизненном списке, и только сравнительно небольшая часть этого — перепечатка ранее выходившего в свет. В этом легко убедиться по аннотированной библиографии, составленной В. В. Петровым¹, где учтено 280 названий (не считая литературы о нем), в том числе 83 опубликованных посмертно. В «Материалах к библиографии ученых СССР»² перечень опубликованных трудов Алексева занимает 34 страницы, в том числе 17 страниц — опубликованное посмертно. Если же учесть, что среди названий после 1951 г. такие солидные тома, как «В старом Китае: Дневники путешествия 1907 г.»³, книга, удостоившаяся перевода на немецкий язык⁴; «Китайская классическая проза в переводах акад. В. М. Алексева» (М., 1958); «Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях» (М., 1966); «Китайская литература. Избранные труды» (М., 1978); «Наука о Востоке: Статьи и документы» (М., 1982), то значение посмертных публикаций возрастает разительно.

Нельзя не отметить ведущую роль в собирании и подготовке к печати трудов В. М. Алексева, прежде всего, его вдовы Н. М. Алексевой и его дочери М. В. Баньковской, не только отобравших тексты для публикаций, но и привлечших к этой работе почти всех учеников академика, среди которых как уже ушедшие ныне от нас Б. Б. Вахтин,

В. А. Вельгус, В. В. Петров, О. Л. Фишман, И. Э. Циперович, Л. З. Эйдлин, так и работающие донныне Б. Л. Рифтин, М. Л. Рудова (Пчелина), в их числе и автор данных строк.

Однако среди новых публикаций нет ни классического труда «Поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837—908)» (Пг., 1916), напечатанного первоначально тиражом в 200 экземпляров и настоятельно требующего переиздания; ни «Рабочей библиографии китаиста», объемистой работы, вполне готовой уже в 1948 г., но не изданной ни в целом, ни по частям; ни «Антологии китайской классической прозы» (собрание переводов, из которого в издание 1958 г. вошла примерно четверть); ни «Антологии китайской поэзии», из которой только отдельные образцы включены в уже опубликованные статьи; не собраны и в большей части не изданы работы по китайскому языку и письменности.

В наследии В. М. Алексева особое место занимают его дневники, записи мыслей (названные им «Афоризмами») и письма. М. В. Баньковская при написании «Книги об отце» в основу своей работы кладет документальные и памятные записи из архива В. М. Алексева. Ее статьи, число которых уже достигло двадцати, а общий объем превысил 300 страниц печатного текста, состоят из подлинных цитат, взятых из архивных материалов, которые соединяются между собой «мостиками», демонстрирующими связь между ними. В результате многое из мыслей и заметок Алексева вошло в ее статьи и обзоры, но многое еще ждет своей публикации.

Эпистолярное наследие В. М. Алексева богато и многообразно. Часть его использована М. В. Баньковской в ее статьях об отце, где особенно много рассказано о многолетней, никогда не прерывавшейся дружбе его с другим корифеем востоковедения, академиком И. Ю. Крачковским. Но это все же выборочная публикация наиболее впечатляющих мест. Начало сплошной публикации положила небольшая статья Д. И. Белкина «Переписка В. М. Алексева с А. М. Горьким»⁵, в которую включены как письма В. М. Алексева, сохранившиеся в архи-

¹ Литература и культура Китая: Сб. статей к 90-летию со дня рождения акад. Василия Михайловича Алексева. М., 1972. С. 163—198; Традиционная культура Китая: Сб. статей к 100-летию со дня рождения акад. Василия Михайловича Алексева. М., 1983. С. 176—207.

² Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. литературы и языка. Вып. 19. М., 1991 («Василий Михайлович Алексеев. 1881—1951». Сост.: И. Г. Бебих и О. Е. Сакоян. Автор вступ. ст. С. Л. Тихвинский).

³ Алексеев В. М. В старом Китае: Дневники путешествия 1907 г. М., 1958.

⁴ China im Jahre 1907: Ein Reisetagebuch / Herausgegeben von B. L. Rifting, aus dem Russischen übertragen von S. Bersing. Leipzig; Weimar, 1989.

⁵ Литература и культура Китая. М., 1972. С. 131—146.

ве А. М. Горького (числом пятнадцать), так и пять писем писателя к В. М. Алексееву. Все они снабжены надежным комментарием и предисловием.

Сейчас, через более чем четверть века после публикации Д. И. Белкина, в Петербурге, в издательстве «Петербургское Востоковедение», уже несколько лет обращающем на себя внимание выпуском книг и сборников, качество которых отменное и улучшается от издания к изданию, появилась на свет большая подборка писем В. М. Алексеева к Эдуарду Шаванну и Полю Пеллио, подготовленная И. Э. Циперович. Взаимоотношения русского ученого и его французских коллег (как и вообще русских китаеведов, в частности, в XIX в. Иакинфа Бичурина и Палладия Кафарова) являют весьма поучительный пример многолетнего сотрудничества двух ведущих школ в китаеведении. Будучи воспитанником петербургской синологической школы акад. В. П. Васильева, В. М. Алексеев прошел дополнительно выучку у главы французской школы Эдуарда Шаванна, которого потом неизменно называл учителем. С выдающимися представителями этой школы А. Масперо, М. Гране, В. М. Алексеев всю жизнь сохранял теплые уважительные отношения, а с наиболее ярким наследником Шаванна Полем Пеллио его связывала многолетняя тесная дружба. В. М. Алексеев сумел соединить в себе достоинства обеих школ, недаром еще один блестящий французский китаевед Поль Демьевиль называл его «самым блестящим представителем французской школы в русской синологии».

Переписка В. М. Алексеева с французскими китаеводами до сих пор была не выявлена и не собрана. Можно только благодарить И. Э. Циперович, которая, будучи в Париже, разобрала письма В. М. Алексеева к двум великим французским синологам, выявив 26 писем к Э. Шаванну и 117 — к П. Пеллио, сняла с них копии и потом, расшифровав далеко не легкий для прочтения почерк, перевела их на русский язык (там, где это было необходимо: значительная часть писем к П. Пеллио — «Павлу Карловичу» — написана по-русски). Публикация писем включила пространную вступительную статью, в которой изложены основные вехи биографии В. М. Алексеева с упо-

ром на обстоятельства, эту переписку породившие. Заканчивается статья биографиями обоих корреспондентов, что тоже важно: жизненный путь наших зарубежных коллег, как правило, известен недостаточно. В письмах упоминается много имен, обстоятельств, сочинений, исследований — и все это разъяснено достаточно детально и весьма основательно в обширном комментарии, составленном также И. Э. Циперович. В приложениях мы находим несколько документов (выдержки из писем П. Пеллио к Алексееву, письма Н. М. Алексеевой к П. Пеллио), список французских корреспондентов В. М. Алексеева (составлен М. В. Баньковской), а также вырезки из русских газет, издаваемых во Франции, в которых сообщается о «суде над ак. Алексеевым» в 1938 г. Библиография упоминаемых работ, указатель имен и иллюстрации (фотографии корреспондентов, дома в Париже, связанные с пребыванием там Алексеева и т. д. — многие из них сделаны самой И. Э. Циперович) — все это дополняет публикацию и повышает ее ценность, тем более что примечания И. Э. Циперович сами по себе требовали исследовательской работы и поясняют множество деталей и обстоятельств, зачастую нигде донныне не затронутых.

Книга подготовлена весьма тщательно, в ней почти нет опечаток, что в наше время стало чуть ли не диковинкой. Тем досаднее мелкие огрехи, вроде утверждения о городе Сианьфу «так в древние времена назывался Чанъань» (с. 164), в то время как на с. 155 сказано верно: «г. Сиань (в древности — столица Китая, г. Чанъань)». П. С. Попов не был «соавтором» Палладия (см. с. 159) и не составлял с ним совместно словарь (с. 163). Он после смерти Палладия Кафарова в 1878 г. привел в порядок его словарные тетради (на что потратил восемь лет упорной работы) и дополнил словарь чиновничьей номенклатурой — почему словарь по праву именуется «словарем Палладия и Попова». Об этом подробно рассказывается в биографии Палладия, написанной самим П. С. Поповым, и в статье В. М. Алексеева «О роли русской китаистики XIX в. в лексикографии»¹, выпавшей из библиографии в

¹ Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР. 1956. № 18.

книге. Кстати, В. М. Алексеев, отдавая должное трудолюбию Попова, считал его добавления нарушающими общий серьезный научно-философский настрой труда Палладия. Вряд ли нужно слова «*Mémoires historiques*» в заголовке труда Э. Шаванна переводить как «Записки историка» (с. 156), этот перевод названия «Ши цзи» был предложен через много лет после смерти Шаванна, в частности, в трудах Ю. Л. Кроля и не вошел прочно в научный обиход: в русском переводе «Ши цзи» Р. В. Вяткина сохранен перевод традиционный. Чжао-мин — не «литературный псевдоним» Сяо Туна (с. 156), а его титул как наследника трона: «Чжао-мин тайцзы». Фамилию Wood принято транскрибировать Вуд, а не Уд, как это сделано на с. 29 и 217. К словам В. М. Алексеева, что он продолжает (в 1907 г.) заниматься фонетикой, надо бы добавить ссылку на статью «Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом» 1910 г. (№ 63 в библиографии). К перечню имен ученых, занимавшихся «Тайной историей монголов» (с. 164), следует добавить венгерского академика Лайоша Лигети. Хотелось бы видеть пояснение, кто такие Марианна Сигизмундовна и Александра Николаевна, неоднократно упоминаемые в письмах. Не повезло также Николаю Адоратскому, автору до сих пор наиболее полной книги по истории Пекинской духовной миссии: упоминание его имени и труда не комментировано, в то время как имя Н. И. Веселовского, встречающееся в той же связи (посылка книг П. Пеллио), удостоилось подробной справки (см. с. 167), в чем, конечно, упрекнуть И. Э. Циперovich нельзя. Об Умэхара Суэдзи можно было бы сказать, что ему, кроме работ, упомянутых на с. 185 и 187, принадлежит солидная монография «Ноин-ула» (1965), где материалы, хранящиеся в Эрмитаже, единственный раз опубликованы в сводном виде — эта книга — итог его пребывания в Ленинграде и его изучения коллекций Эрмитажа. Весьма полезен «Указатель имен», где не только даны отсылки к страницам, где эти имена встречаются, но и для каждого указаны годы жизни и оригинальное написание имен в исходном языке для иностранцев. Всякий, кто составлял подобные индексы, знает, сколь-

ко приходится тратить времени и труда, чтобы снабдить указатель такой справкой. О пользе же указателей для читателя говорить излишне. Непонятно только, почему из упомянутых китайских авторов в письме от 12 апреля 1917 г. (с. 80—81) в индекс имен попали лишь избранные.

В связи с опубликованными материалами хотелось бы затронуть один вопрос, очень важный для истории нашей науки. Тема эта — репрессии, прямые или косвенные. В свое время, когда была написана 150-летняя история Азиатского музея (1968), все упоминания о судьбе многих выдающихся представителей школы В. М. Алексеева были вычеркнуты цензурой. В нынешнюю пору тема «расстрелянного востоковедения» перестала быть запретной, и в комментариях к именам И. Э. Циперovich сообщает о судьбе расстрелянных ученых и дату их гибели. Но в публикуемых письмах есть еще и другие детали, которых ранее не касались. В упоминавшемся уже письме от 12 апреля 1917 г. под свежим впечатлением от Февральской революции В. М. Алексеев пишет: «Вы знаете, конечно, о том головокружительном перевороте, который произошел у нас. Радоваться ли мне грядущему царству *οχλος*'а (ибо *δῆμος*'а в России пока мало) или нет — не знаю. Но несомненно, что всем ненавистный царизм пал раз и навсегда. Будем надеяться, что с ним вместе пало и все то, что держало нас в азиатщине и не допускало нас к свободному развитию. Весь вопрос в том, насколько рабочие будут рабочие и насколько, вообще, придется нашей ленивой стране самоотверженный труд прочей Европы. <...> Как бы то ни было, исторический опыт этот надо пережить. Сохраню ли в нем я свою голову — вопрос праздный» (с. 81).

Если в этом письме В. М. Алексеев высказывает обоснованные опасения, не приведет ли свершившийся переворот к власти толпы вместо демократии, то вскоре, после Октябрьской революции, в письме от 6 декабря 1917 г. он прибегает к крайним выражениям: «Вы, несомненно, уже знаете о нашей злополучной революции, доведенной до конца кликой нищих террористов, которые прекрасно знают, к кому они обращаются, и равным образом прекрасно

умеют манипулировать нашим, скажем, "богопослушным и боголюбивым народом", скотом неграмотным и диким. Они теперь хотят истребить всех, от кого пахнет "буржуазией", то есть тех, кто достаточно хорошо одевается, достаточно прилично ведет себя, не пьет и т. д. <...> В случае, если я останусь в живых, я решил уехать. Если на свете найдется какой-нибудь уголок, где мои знания и определенные усилия могут кому-то пригодиться, я туда и отправлюсь, — краснея, пишу Вам об этом» (с. 88).

В. М. Алексеев не эмигрировал, но оправдались самые худшие его опасения. Его лучшие ученики Н. А. Невский, Ю. К. Щуцкий, Б. А. Васильев были расстреляны, иные, как П. Е. Скачков, А. А. Штукин, В. М. Штейн, В. А. Вельгус, оставшись в живых, прошли через тюрьмы и лагеря. Третьи — О. Л. Фишман, И. Э. Циперович — надолго были отлучены от науки. Сильно поредели и ряды молодых китаистов, к школе Алексеева себя не относивших, — многие из них были расстреляны либо оказались в тюрьме, лагере или ссылке. Сам В. М. Алексеев прямым репрессиям не подвергался, но «кампании» по дискредитации его как ученого преследовали его всю оставшуюся жизнь. Из них наиболее громкими были следующие.

В 1932 г. В. М. Алексеев, принимая французского ученого Сильвена Леви, произнес похвальную речь о французском учебном и научном заведении Коллеж де Франс, за что временно был отстранен от руководства китайским кабинетом в Институте востоковедения и китайской кафедрой в университете. Тогда же, в 1932 г., группа китаистов, возглавляемая А. А. Драгуновым и Б. А. Васильевым, обвинила его печатно (в № 2 журнала «Под знаменем марксизма») в антимарксистском подходе к вопросу латинизации китайской письменности. В 1935 г. В. М. Алексееву приходилось доказывать, что некоторые из навязанных ему аспирантов («мусор» по его выражению) не способны к научной работе; дело дошло до разбирательства в Президиуме АН. В 1938 г. он подвергся жесточайшим нападкам за опубликованную во Франции книгу «La littérature chinoise» (лекции, прочитанные им в Париже в

1926 г.); причем эта, с позволения сказать, «критика» была поддержана статьей Х. Букова и М. Муратова «Лжеученый в звании советского академика» («Правда». 1938. 31 мая), где прозвучало требование изгнания его из академии. В 1949—1950 гг. — новая волна, во главе которой стал Г. В. Ефимов; за «безыдейность, космополитизм, объективизм, академизм» В. М. Алексеев был отстранен от чтения лекций студентам и от руководства составлением Большого китайско-русского словаря. Его готовые работы издательствами отвергались, уже отпечатанные запрещались к распространению.

В связи с тем, что «кампания» 1937—1938 гг. была особенно грозной и сопровождалась арестами и исчезновением людей из его окружения, становится ясным, почему с 1937 г. переписка В. М. Алексеева с его зарубежными коллегами (не только с Пеллио, но и с другими) практически прерывается: писать за границу оказывалось опасно. И хорошо бы было в приложении № 7 кроме откликов на статью в «Правде» (кстати, на нее был отклик и проф. Фудзиэда Акира в Японии) воспроизвести и саму статью — это было бы выразительной иллюстрацией тех методов «критических приемов», к которым прибегала тогдашняя партийная печать.

В заключение хочется добавить, что эта интересная и полезная книга — не только по публикуемым письмам, но и по научному аппарату, которым снабжены тексты, — может рассматриваться как начало публикаций переписки В. М. Алексеева с его зарубежными и советскими корреспондентами. В архиве В. М. Алексеева (СПбФ АРАН, ф. 820, оп. 3) хранятся ответные письма Э. Шаванна и П. Пеллио, хорошо было бы опубликовать их совместно, но пока не нашлось человека, который взялся бы за это. Зато переписка В. М. Алексеева с японским ученым Исихама Дзюнтаро (1888—1968) за 1927—1936 гг. есть в архиве, и не только писем Исихама. И. Э. Циперович запросила о письмах В. М. Алексеева Университет иностранных языков в г. Осака, в результате ее усилий архив университета любезно предоставил для архива В. М. Алексеева копии его писем, числом 21. Таким образом, становится возможной публикация уже не од-

носторонняя, а переписка В. М. Алексеева с одним из ведущих ученых Японии Исихама Дзюнтаро, в чем должны быть заинтересованы научные круги обеих стран.

Л. Н. Меньшиков

Vassilios Christides. Byzantine Libya and the March of the Arabs towards the West of North Africa. (British Archaeological Reports, International Series, 851): Hadrian Books, Oxford, 2000.

Василиос Кристидис, профессор Института греко-восточных и африканских исследований (Афины), известен как крупнейший специалист по истории морского дела в Византии и Арабском халифате, а также по истории Средиземноморья в целом. Он является автором большого количества статей и книг, посвященных позднеантичной и средневековой навигации в Средиземном и Красном морях, в Персидском заливе и Индийском океане, военно-морскому делу Византии и Арабского халифата, а также целому ряду смежных тем. Показателем признания авторитета проф. Кристидиса в вышеуказанных областях служит тот факт, что именно его перу принадлежит статья об арабском мореплавании в Энциклопедии ислама («*Milaha*», EI², VII, 1993), равно как и целый ряд других статей этого авторитетного издания («*Tarabulis*», «*Misr*», «*Uqba b. Nafi*» и др.).

Новая книга Василиоса Кристидиса посвящена одному из наиболее сложных для изучения периодов истории Средиземноморья — Северной Африке накануне и во время арабского завоевания. Специфика источников, включающих в себя, в частности, позднеримские и византийские сочинения и арабские хроники, требует знания не только греческого языка и латыни, но и арабского языка, что является редким сочетанием. Глубокое понимание специфики столь различных пластов источников и их тщательный анализ позволили авто-

ру создать всестороннюю картину этого переломного периода в истории Средиземноморья. Завоевание Северной Африки арабами рассматривается в широком контексте доисламской — позднеримской и византийской — Африки, а также в контексте истории Средиземноморья в целом, включая развитие мореплавания и торговли.

Первая глава книги состоит из двух частей, первая из которых посвящена геополитической ситуации в византийской Африке накануне арабского завоевания.

Позднеантичная Ливия рассматривается автором как особого рода единство, состоящее из трех самостоятельных регионов — Триполитании, Киренаики и Феццана, связанных между собой морскими и сухопутными караванными путями и, в определенной степени, политическими институтами Византийской империи и общим культурно-историческим контекстом. Автор подробно описывает физико-географические особенности региона (физическая география, климат, флора и фауна), демонстрируя прекрасное знание местности и региональной специфики. Далее рассматриваются вопросы расселения различных берберских племен и этносоциальный состав населения Северной Африки в целом. Особое внимание уделено различным аспектам взаимоотношений разных категорий населения региона: оседлого земледельческого населения и кочевников, местного берберского населения и пришлых греческих и римских колонистов, различных категорий населения Северной Африки и позднеримской, а затем византийской администрации, социальные и религиозные конфликты в регионе и др.

Вторая часть первой главы подробно описывает главные города региона и связанные с ними районы Киренаики и Триполитании. Завершает главу подробнейший анализ морской торговли в Восточном Средиземноморье и ее роли в экономической и политической жизни региона в позднеримский и византийский периоды. Здесь исследователь активно использует, в частности, такие сложные для исторического анализа и мало использовавшиеся предшественниками источники, как агиографические сочинения, которые дают богатую информа-